

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Бреcтский государственный университет имени А.С. Пушкина
Российская ассоциация политическая науки (Татарстанское отделение)

ЭТНИЧНОСТЬ, МИГРАЦИЯ И ВЛАСТЬ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Сборник статей

Международного научного симпозиума
г. Набережные Челны

31 мая – 1 июня 2013 г.

Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии
Выпуск 2

КАЗАНЬ

2014

Kazan (Volga Region) Federal University
Brest State University named after A.S. Pushkin
Russian Political Science Association (Tatarstan Regional Branch)

ETHNICITY, MIGRATION AND POWER: THE CHALLENGES OF THE 21st CENTURY

A collection of articles of the International scientific symposium

The city of Naberezhnye Chelny
May 31 - June 1, 2013

KAZAN

2014

Печатается по решению Ученого совета федерального факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Научные редакторы:

доктор юридических наук, профессор **О.И. Зазнаев**
кандидат исторических наук, доцент **В.Т. Сакаев**

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор **А.Т. Большаков**
доктор политических наук, профессор **К.С. Илнатуллина**

Э 91 Этничность, миграция и власть: вызовы XXI века: сборник статей
Международного научного симпозиума, г. Набережные Челны, 31 мая – 1 июня
2013 г / науч. ред. О.И. Зазнаев, В.Т. Сакаев. – Казань: Казан. ун-т, 2014. –
264 с. (Вып. 2. Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии).

Ethnicity, Migration and Power: The Challenges of the 21st Century: A collec-
tion of articles of the International scientific symposium, the city of Naberezhnye
Chelny, May 31 – June 1, 2013 / eds: Oleg Zaznaev, Vasil Sakayev – Kazan: Kazan
(Volga Region) Federal University, 2014. – 264 pp.

ISBN 978-5-00019-187-3

В настоящий сборник вошли статьи, подготовленные по итогам работы Международного научного симпозиума «Этничность, миграция и власть: вызовы XXI века», состоявшего в мае 31 мая – 1 июня 2013 г в г. Набережные Челны. В книге нашли отражение новейшие взгляды на теоретические проблемы этничности и ее роли в политических процессах, существующий позитивный и негативный опыт политического управления в полиэтничных общностях, основные тенденции развития этнополитической и миграционной ситуации, механизмы влияния миграции на политический процесс в условиях глобализации, социально-политические риски миграции, новые и перспективные направления национальной и миграционной политики.

УДК 325
ББК 66.3(2)Рос)6

ISBN 978-5-00019-187-3

© Коллектив авторов, 2014
© Казанский университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

10	<i>Заварное А.Н.</i> Изоляционизм или самоотчуждение: выбор этнокультурных альтернатив
14	коммуникации.
21	<i>Маляутинов И.С.</i> Ислам в условиях глобализации
25	<i>Мансурова Г.М.</i> Дезинизация в условиях глобальной пивизации
30	<i>Сергеев С.А.</i> Этнический национализм в российских регионах: 1990-е – 2000-е гг
39	<i>Фарукшин М.Х.</i> О понятии «этнокрафия»
44	<i>Цунчук Р.А.</i> Миграция и этничность в зеркале первой всеобщей переписи в Российской империи 1897 года

СЕКЦИЯ 2
МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИГРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

52	<i>Акинов С.В.</i> Трансмиграция как элемент секьюритизации транснационального дискурса
56	<i>Денисенко М.В.</i> Миграция из стран СНГ в страны ОЭСР
66	<i>Самоненко О.А.</i> Российские экспаты в АТР: проводники или предатели?
75	<i>Margardt Kyle L.</i> Migration, identity, and nationalism Directions for future study in the former Soviet Union

СЕКЦИЯ 3
ЭТНИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

84	в современной Италии
84	<i>Амдинов Э.Х.</i> Иммиграция и государственная этнополитика
94	мировой войны
94	<i>Сустов Е.В.</i> Становление государств финно-угорского сообщества. конфликт и консенсус националистических и демократических факторов
107	<i>Genovese A.</i> Urban violence and dehumanization of the "other"

Англия произвела перепись 128 миллионов своего населения, но эта перепись не была так детальна, как «Российская» [12].

Представляется весьма продуктивным продемонстрировать возможность исследования институциональной и потенциальной материялов переписей в раскрытии сложнейших проблем взаимосвязи языка, религии, национальной идентичности и миграций в России рубежа XIX-XX веков. Работа с переписями позволяет поставить и решить ряд важных исследовательских задач в заявленной проблематике:

- во-первых, показать роль переписей в представлении массовых статистических данных об этническом, языковом и конфессиональном разнообразии Российской империи;
- во-вторых, выявить экономическую, социальную, политическую, этнополитическую мотивацию власти при проведении переписей;
- в-третьих, проанализировать концептуальные подходы организаторов и идеологов переписей к формированию содержания переписной анкеты, касающейся этнических, языковых, конфессиональных характеристик (количественности, народностей - национальностей, вероисповеданий);
- в-четвертых, показать, что переписи были и остаются, и субъектом, и объектом этнополитики в Российской империи;
- в-пятых, дать характеристику общего исследовательского потенциала материялов переписи и достоверности этого комплексного источника

• в-шестых, проследить динамику этноконфессиональных и этнополитических процессов, в том числе, связанную с внешними и внутренними миграциями на имперском пространстве и отразившуюся во всеобщих переписях и материялах статистики.

Как известно, до 1917 г. главными принципами идентификации и официальной классификации населения были сословие и вероисповедание. В наследстве от феодальной системы остались также категория «инородцев», которая официально включала в себя коренные народы Сибири, Туркестана и Степных областей, а также евреев [13]. Перепись 1897 году добавила к двум ключевым принципам идентификации – сословиям и вероисповеданию, т.е. двум вопросам переписной анкеты «6) сословие, состояние или звание» и «11) вероисповедание» еще один – пункт «12) родной язык», который как бы заменил вопрос о национальности. Впрочем, сами российские статистики отмечали неясность для многих опрашиваемых сущности этого вопроса, отмечая, что при постановке его следовало бы объяснить, имеется ли здесь в виду язык

Циунчук Р.А.
доктор исторических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Russem.Tsiunchuk@kpfu.ru

МИГРАЦИИ И ЭТНИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА

Общегосударственная перепись – это универсальный и комплексный способ получения объективных массовых данных о численности, составе и размещении населения страны, а также выявления важнейших направлений государственной национальной и социальной политики. Первая всеобщая перепись населения в России была проведена 28 января 1897 года во всей Российской империи (кроме автономного Великого княжества Финляндского) и дала вполне репрезентативный, исключительно богатый для анализа и исследования материал, позволяющий по губерния (областям) в 89 томах (119 книгах).

Надо отметить, что в современной науке заметно усиливается внимание к изучению истории переписей в контексте национальных и конфессиональных процессов в Российской империи, Советском Союзе, Российской Федерации и странах СНГ, в России это, например, работы В.И. Кабузана [1], В.А. Тишкова [2], С.В. Соколовского [3], трехтомная монография «Население России» [4], а в зарубежной литературе публикации Ю. Слезкина [5], Ж. Кадю [6], А. Блюма и М. Меспле [7], А. Каппелера [8], Ф. Хирш [9], П. Холквиста [10] и др. Все более внимательно рассматриваются также проблемы методологии выявления национальной идентичности в ходе переписей [11].

История современных переписей началась с середины XIX века с проведения общей переписи населения Бельгии в 1846 г. В ходе нескольких международных статистических конгрессов (Брюссель 1853, Лондон – 1860, Санкт-Петербург – 1872, Будапешт – 1876) были отрабатаны и приняты общие модели организации переписей, методология и содержание опросных анкет, было рекомендовано проведение переписей приблизительно один раз в 10 лет и образовался Международный статистический институт. В августе 1897 году в Санкт-Петербурге прошла очередная сессия МСИ, где был заслушан доклад о проведении в январе 1897 года Всеобщей переписи населения в России. Профессор знаменитого Коллеж де Франс П. Леассер в докладе на сессии по поводу переписи 1897 г указал, что «эта перепись может называться первой в мире, т.е. хотя

национальности, дословно – язык материнский (langematernlle) или язык раз-

говорный (langematerle) [14].

В начале XX века, особенно с развитием политической жизни России по-сле 1905 года, этнический критерий группировки и национальный фактор кон-солидации становился все более заметным. Выборы в Государственную думу (1906-1912 гг.) и презентация в ней представителей национальных регионов своих этноконфессиональных и региональных интелов весьма заметно спо-собствовали динамизации этнополитических процессов [15], [16]. Эти два важ-нейших события – явления политической жизни способствовали осмыслению и констатации нового состояния различных этноконфессиональных и региональ-ных сообществ в Российской империи и одновременно – развитию этнического самосознания и самоидентификации населения практически во всех частях от-ромного многонационального государства.

Первая Всеобщая перепись 1897 г отразила переходное состояние обще-ства, находившегося в транзите от традиционного общества с сословно-конфессиональной группировкой к модерновому с иной социально-этнической стратегикой. В подготовленном словаре народностей и племен насчитыва-лось свыше 100 наименований, а число языков и наречий доходило до 146. Признавалось наличие 16 конфессиональных групп. Очевидно, что Первая все-общая перепись 1897 г. населения проводилась весьма сложную этно-конфессиональную картину Российской империи. Характерной особенностью этноконфессиональной ситуации в поздней Российской империи явилось со-хранявшееся политико-правовое неравноправие населявших ее народов и наци-онально-религиозных групп. Под русскими офице-льной властью подразумевались представители «большой русской нации» – великороссы, малороссы и белорусы, и даже исповедовавшие православие не-

славянские народы Европейской России. Модернизационные процессы второй половины XIX века в России резко ускорили процессы внутренней и внешней миграции значительных масс насе-ления. Мотивацию миграционных процессов можно подразделить на несколько блоков (в связи с главными причинами, вызывавшими перемещение): социаль-но-экономические, этноконфессиональные, политические, военные. Хотя, как пра-вило, в конкретных случаях всегда можно увидеть взаимосвязанный комплекс различных причин и обстоятельств.

Важнейшими направлениями миграции в поздней Российской империи конца XIX – начала XX вв., отразившиеся в переписи 1897 г. и последующей

статистике были несколько потоков внутренних и внешних миграций, заметно менявших этнический и конфессиональный состав населения ряда регионов. Во-первых, это массовые внутренние миграции населения (в основном, крестьянского) из перенаселенных губерний Центрального района, Украины и Беларуси, неактивно заселяемые восточные и южные окраины: на Южный Урал, в Западную и Восточную Сибирь, на Дальний Восток, в Степной край и Туркестан, а также на Кавказ. С 1896 до 1913 года в эти губернии и области Российской империи переместилось свыше 5 млн. человек [17]. Это процес-с особенно усилился после принятия в ходе столыпинских аграрных реформ мер по стимулированию переселенческой политики. Этническую основу пересе-ляющихся составляли русские, а также украинцы, в меньшей мере белорусы и представители других исповедовавших христианство) народов империи. Это способствовало началу формирования в Средней Азии и Казах-стане многонациональной русскоязычной группы населения, в том числе росту казахских сообществ, объединенных в областные казахы войска.

В-вторых, это массовые внутренние миграции сельского населения в го-рода. Основной поток – в промышленные города Европейской части страны – Москву, С.-Петербург, Варшаву, Одессу, Ригу, Лодзь, Кишинев, Киев, Казань и другие, которые становились еще более многонациональными. В городах черты оседлости на Украине, в Белоруссии, Литве, Бессарабии кроме массового пере-селения «русского населения» (под ними подразумевались также православ-ные украинцы, белорусы и др.), было заметным перемещение в города групп поляков, немцев, констатировалось также увеличение еврейского населения. В города Средней Азии и Казахстана, которые, как правило, образовыва-лись как новые административные центры, где позднее развивалась торговля, промышленность, появлялись железнодорожные станции, также перемещались представители «большой русской нации» (великорусы, малороссы, белорусы) и других исповедовавших христианство народов империи. Такие города, как Ташкент, Верный, Скобелев, Асхабад и другие, развивались как бинациональ-ные с русскоязычным преобладанием.

В конце XIX века в Российской империи резко усилилась внешняя эми-грация, главным образом, из западных регионов (губернии Царства Польского, Литвы, Беларусь, Украина, Прибалтики, а также Бессарабия) за рубеж, пре-имущественно в страны Нового Света: США – 87%, Канаду – 6%, Аргентину – 5% и др. В Северо-Американские Соединенные Штаты переселились в общей сложности почти 4 миллиона выходцев из Российской империи. Среди них преобладали евреи – 41%, далее шли поляки – 28%, литовцы и латыши 9 %.

финны – 7%, 6%, – немцы, а также «русские» (среди них преобладали украинцы) – 8% [18]. В Османскую империю во второй половине XIX века продолжали выезжать мусульмане: абхазы, абхазцы, абхазцы, другие народы Северного Кавказа, крымские татары, ногайцы, в меньшей мере – поволжские татары.

В то же время отмечался массовый встречный миграционный поток – внешняя иммиграция больших групп переселенцев из соседних стран Европы (Германская, Австро-Венгерская империи), а также Азии (Османская империя, Персия, Китай) в Россию. Происходила также частичная реэмиграция этих переселенцев за рубеж (в основном, она касалась бывших выходцев из европейских стран – Германии и Голландии, многие из которых переселились в страны Нового Света).

В пореформенный период в Российскую империю прибыло из-за рубежа до 3,9 миллионов человек [19]. Причины иммиграции также были различными. В России на рубеже XIX – XX вв. продолжали прибывать, как и в XVIII – XIX вв. немцы – католики и протестанты из Германии и Австро-Венгрии, главным образом, по экономическим причинам и религиозным обстоятельствам (но этот переселенческий поток постепенно сокращался), а также чехи из Австро-Венгрии. Из Османской империи по религиозным и экономическим причинам переселились армяне, греки, болгары, тагузы, ассирийцы. Из Персии по национальным и экономическим причинам переселились азербайджанцы и главные народы: армяне, греки, болгары, тагузы, ассирийцы. Из Персии по национальным и экономическим причинам переселились азербайджанцы и главные народы: армяне, греки, болгары, тагузы, ассирийцы. Из Персии по национальным и экономическим причинам переселились азербайджанцы и главные народы: армяне, греки, болгары, тагузы, ассирийцы. Из Персии по национальным и экономическим причинам переселились азербайджанцы и главные народы: армяне, греки, болгары, тагузы, ассирийцы.

Можно выделить основные отправные позиции имперской политики в миграционных и этнических процессах: во-первых, это признание многонациональности и поликонфессиональности населения империи в ее окрестных регионах; во-вторых, наличие империи обусловлено этноса и конфессии; в-третьих, сохранение этноконфессионального неравенства; в-четвертых, признавание существования перенаселения и наличия свободных земель; в-пятых, стремление власти управлять многообразием и асимметрией империи, в том числе, за счет регулирования миграционных процессов [21].

Типологически формы и методы управления миграционными этническими процессами в поздней Российской империи распадаются на несколько групп:

– силовые / военные (Крым, Восточное Приазовье и Северо-Восточное Причерноморье, Кавказ, Туркестан и Степной край после присоединения к Российской империи, поляки – после подавления восстания 1831 и 1863 гг., каторга и ссылка);

– экономические (предоставление льгот и привилегий, выделение земель, приглашение на службу, возможность получить образование, работу и т.д.);

– политические (этноконфессиональные привилегии или ограничения в правах, запреты на выдачу загранпаспортов, ограничения в правах, в том числе, в избирательных, политических петрессии и преследования).

В то же время, надо признать, что в поздней Российской империи не было официальной миграционной политики, полезной для государства была признана и отчасти регулировалась земледельческая миграция в Азиатскую Россию и на Кавказ. Миграционная политика в этот период преследовала задачи социально-экономического характера и была направлена на освоение малозаселенных губерний и снятие аграрного перенаселения в губерниях Европейской России (не только в русских, но и в малороссийских, белорусских, остзейских губерниях, в новороссийской и бесарабской губерниях).

Очевидно, что миграционные процессы меняли этнографическую и конфессиональную картину Российской империи. Миграционный поток из западных губерний был направлен на запад, а из центральных на восток и юг. Вырос удельный вес русских, а также украинцев в Сибири, на Дальнем Востоке, в Степном краю и Туркестане, в городах Закавказья, а также Прибалтики. Расширилась география расселения немецкого населения империи. В Закавказье увеличилась численность азербайджанцев, персов и ассирийцев. Перепись 1897 г. отмечала, что среди переселенцев наиболее быстро принимали как основную профессию русский (великоросский) и начинали идентифицировать себя великороссами украинцы (малороссы), белорусы, а также исповедовавшие православие урало-финские народы (мордва, карелы, коми и др.), а также крепостные татары (кряшены) и принявшие православие евреи, немцы и др.

Таким образом, миграционная политика в Российской империи была связана с различными мотивами, среди которых этничность и вероисповедное неформировались властью как главные задачи, но реально занимали отнюдь не последнюю роль, меняя этноконфессиональную конфигурацию в регионах и способствуя национальной идентификации больших групп населения в на рубеже XIX – XX вв.

13. Slocum John W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // Russian Review. – Vol. 57 – 1998.

14. Котельников А. История производства и разработки Всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. – СПб., 1909.

15. Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерение. – Казань, 2004.

16. Tsiumchuk R. Peoples, Regions and Electoral Politics: the State Duma and the Constitution of New National Elites (1906-1917) // Russian Empire: Space, People, Power. 1700-1930. Bloomington: Indiana University Press, 2007.

17. Ковалев Е.М. Туземитарная география России. – М., 1995.

18. Население России в XX веке. В 3-х тт. Т. 1. – М., 2000.

19. Народы России. Энциклопедия. – М., 1994.

20. Кабузан В.М. Эмиграция и резмиграция в России XVIII – XX века. – М., 1998.

21. Циунчук Р.А. Российская империя как система «центр-периферия»: генезис, развитие, кризис // Пути познания России: новые подходы и интерпретации. – М., 2001.

1. Кабузан В.М. Народы Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: Численность и этнический состав (1859-1917 гг.). – М., 1992.

2. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.

3. Соколовский С. В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные подходы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iea.gas.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm; (дата обращения 12.12.2014).

4. Население России. В 3-х тт. – М., 2000-2011

5. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. // Slavic Review. – Vol. 53, No. 2. – 1994. (См. также Ю. СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001).

6. Cadot J. Le laboratoire impérial. Russie – URSS. 1870-1940. Paris, 2007 (Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890-1940. Пер. с фр. – М., 2010).

7. Blum A. Mespoulet M. L'ararchie bureaucratique: Statistique et pouvoir sous Staline. Paris, 2003. (Блюм А., Меспюле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. Пер. с фр. М., 2006).

8. Канпелер А. Переписи населения в России и Австро-Венгрии как имперские проекты // AbImperio. – 2012. – № 4.

9. Hirsch F. State and Evolution: Ethnographic: Knowledge, Economic Expediency, and Making of USSR, 1917-1924 // Russian Empire: Space, People, Power. 1700-1930. Bloomington: Indiana University Press, 2007

10. Holquist P. To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Empire and Soviet Russia // A State of Nations and Nation-Making in the Soviet Union. – N.Y., 2001.

11. Марквардт К. Циунчук Р.А. Язык, религия, национальная идентичность в динамике этнополитических процессов в России (всеобщие переписи 1897-2010 гг.). // Социологические потенциалы межконфессионального диалога. Материалы междунар. научн. конф. – Казань, 2013.

12. Елисеева И.И., Лопова И.Н. Начало межкультурного признания российской государственной статистики // Вопросы статистики. – 2013. – № 8.